

ЗНАМЯ

З

ГОСЛИТИЗДАТ

М. СЕРЕБРЯНСКИЙ

ТЕМА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Литературные заметки

И останутся как сказки
Как манящие огни
Штурмовые ночи Спасска
Волочаевские дни.

I

КИНОТЕАТРЫ Москвы и Ленинграда, в которых демонстрировался замечательный фильм «Чапаев», посетили за первые четырнадцать дней свыше полутора миллионов человек. Дети и молодежь, взрослые и старики, люди разных возрастов и поколений, бойцы и участники гражданской войны и те, для кого гражданская война — история отцов и старших братьев, посмотрев картину один раз, шли во второй, в третий, в четвертый, чтобы снова пережить потрясающие чувства восторга, величайшего подъема, которые рождает буквально каждый эпизод этого великолепного кинопроизведения.

Фильм «Чапаев» совершает триумфальное шествие по всей советской стране.

«Гаснет свет в кинотеатре, струится голубой поток из будки кинемеханика, шумит аппарат за спиной у зрителей, — и вдруг из смутного роения теней возникает на экране оживленная история, суровая и гордая история нашей борьбы и наших побед. Картина пленяет зрителя с первых же минут, она увлекает и волнует его с каждым последующим кадром, она заражает его любовью и ненавистью, упоением и страхом, ликованием и яростью от сцены к сцене». (Передовая «Правды» 20/XI—34).

Великое обаяние фильма идет не только от мастерства постановщиков — братьев Васильевых. Оно идет также от романа Дм. Фурманова, от книги, которая не умрет в памяти читателей.

Фильм и роман говорят о том, что тематика гражданской войны не устарела и для наших дней, когда внимание художников устремлено к другим явлениям и фактам современности. Наше настоящее неразрывными нитями связано с прошлым. Эта перекличка эпох отчетливо слышна в «Чапаеве». Есть, значит, что-то такое в романе и фильме, что отвечает на вопросы, волнующие нас сегодня, что и сегодня находит отклик в миллионах сердец.

На тему о гражданской войне советскими писателями написано много значительных и талантливых произведений. Они заслуженно пользуются огромной любовью и популярностью в читательской среде; многократные переиздания «старых» книг и издания новых произведений на эту тему, расходятся с исключительной быстротой, и все эти обстоятельства делают полезным и необходимым произвести критический обзор лучшим и основным произведениям советской литературы, в которых отражена эта героическая тема революционной борьбы, уже вошедшей в устное народное творчество.

Безусловно прав А. М. Горький, когда говорит, что

«промахом критики нашей является тот факт, что она не дала должной и необходимой оценки всей массы книг, посвященных теме войны гражданской, всей работе писателей над этим материалом. Это следовало и следует сделать, не только в интересах литераторов, но и читателей, которые, кстати сказать, в положительной оценке книг этого рода опередили критику».

Эти слова А. М. Горького можно с полным основанием отнести не только к произведениям на тему о гражданской войне. Обзоров, обобщающих опыт советской литературы, ждут также и произведения на колхозную и производственную тему, и в этих областях накоплен немалый творческий опыт, теоретическое освоение которого заметно двинуло бы вперед разработку проблемы жанров, стиля и метода социалистического реализма.

По своему объему данная статья несколько уже своего заголовка.

Я не ставлю своей задачей охватить весь материал прозы и поэзии о гражданской войне, да и не в этом цель обзора. Выбирая из богатого творческого фонда только самое существенное, мы остановимся главным образом на тех произведениях, которые дают возможность выдвинуть проблемы актуальные и для сегодняшнего дня советской литературы. Нам придется анализировать произведения советской прозы, в которой эта тема разработана с большей чем в поэзии полнотой.

Вспомним хотя бы цикл «Партизанских повестей» Всеволода Иванова, «Барсуки» Л. Леонова, «Перегонной» и «Виринею» Л. Сейфуллиной, «Донские рассказы» и «Тихий Дон» Мих. Шолохова, «Перемену» и «Приключения дамы из общества» М. Шагинян, повести и рассказы Б. Лаврентьева, стихи Ник. Тихонова и Мих. Светлова, «Улялаевщину» И. Сельвинского, оба варианта «Думы про Опанаса» Эдуарда Багрицкого, поэмы и стихи В. Маяковского, «Разгром» А. Фадеева, «Неделю» Юрия Либединского, «Железный поток» А. Серафимовича, «Первую конную» и «Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского, «Конармию» И. Бабеля, «Мятеж» и «Чапаев» Дм. Фурманова, «Октябрь» А. Яковлева, «Россию, кровью умытую» Артема Веселого, «Гуси-лебеди» и «Андрон Непутевый» А. Неверова, поэму «Триполье» Б. Корнилова, стихи о гражданской войне Мих. Голодного, А. Прокофьева, А. Суркова и др.

Упомянем также книги, написанные в течение последних трех лет. Таковы, например, «Шагают миллионы» Л. Дегтярева, «Батько Боженко» Ник. Гарнича, «Каленая тропа» Евг. Бражнева, «Контр-удар» и «Золотая липа» И. Дубинского, «Огонь» А. Гарри и т. д., длинный ряд очерков, мемуаров, зарисовок и воспоминаний — произведения бойцов и участников войны, книги, которые привлекут внимание читателя не столько художественными достоинствами (эти книги стоят ближе к беллетризированной хронике, чем к художественной литературе), сколько своим замечательным материалом, искренним и добросовестным описанием той эпохи, когда с первыми выстрелами гражданской войны распахнулись ворота в будущее.

Тем внимательнее должны мы подойти к произведениям, в которых художественно отражена эта поистине эпическая тема, переоценить их сейчас, в связи с тем, что мы снова видим повышенный интерес к ней со стороны поэтов и беллетристов, объяснить, каким произведениям и почему обеспечено длительное существование в памяти читателей, какие стороны этой замечательной эпохи надо осветить иначе, чтобы воспроизвести ее во всей полноте ее исторического содержания

II

Характеризуя эпоху военного коммунизма, ее особенности, Ленин писал следующее:

«Первая стадия, первая полоса в развитии нашей революции после Октября была посвящена, главным образом, победе над общим врагом всего крестьянства, победе над помещиком.

Вы все прекрасно знаете, товарищи, как еще февральская революция — революция буржуазии, революция соглашателей — эту победу над помещиками крестьянам обещала, как она своего обещания не выполнила. Только октябрьский переворот, только победа рабочего класса в городах, только советская власть дала возможность на деле очистить всю Россию, из конца в конец, от язвы старого крепостнического наследия, старой крепостнической эксплуатации, от помещичьего землевладения и гнета помещиков над крестьянством в целом, над всеми крестьянами без различия.

На эту борьбу против помещиков не могли не подняться и поднялись в действительности все крестьяне. Эта борьба объединила также и наиболее зажиточную и даже самую богатую часть крестьянства, которая не обходится без наемного труда» (Ленин, том XXIII, стр. 420) — разрядка моя. — М. С.).

На том этапе революция в деревне еще не выходила из рамок общекрестьянских, буржуазно-демократических задач. Только с лета и осени восемнадцатого года деревня поднимается под руководством пролетариата и коммунистической партии на новую и более высокую ступень, на ступень социалистической революции. Классовые противоречия между беднотой и кулачеством снова вспыхнули с большей силой, революция шла глубже и дальше, подымая огромные пласты трудового крестьянства, очищая классовое сознание массы бедняков.

«Вот тогда и обнаружилось между кулаками и беднотой различные интересы и стремления» (Ленин, т. XXVI, стр. 305).

«Деревня перестала быть единой. В той деревне, которая, как один человек, боролась против помещиков, возникли два лагеря — лагерь трудящегося беднейшего крестьянства, которое вместе с рабочими продолжало идти к осуществлению социализма и переходило от борьбы против помещиков, к борьбе против капитала, против власти денег, против кулацкого использования великого земельного преобразования, и лагерь более зажиточных крестьян. Эта борьба, отколов окончательно от революции имущие, эксплуататорские классы, перевела нашу революцию на те социалистические рельсы, на которые рабочий класс городов твердо и решительно хотел ее поставить в октябре, но на которую он никогда не сможет добродосно направить революцию, если не найдет сознательной, твердо сплоченной поддержки в деревнях.

Вот в чем значение переворота, который произошел в нынешнее лето и в нынешнюю осень по самым глухим закоулкам деревенской России, который не был шумен, не был так наглядно виден и не бросался так всем в глаза, как октябрьский переворот прошлого года, но который имеет несравненно более глубокое и важное значение. Образование в деревне комитетов бедноты было поворотным пунктом и показало, что рабочий класс городов, объединившийся в октябре со всем крестьянством для того, чтобы разбить главного врага свободной, трудящейся и социалистической России, чтобы разбить помещиков — от этой задачи пошел вперед, к гораздо более трудной и исторически более высокой и действительно социалистической задаче — и в деревню внести сознательную социалистическую борьбу, и в деревне пробудить сознание». (Ленин, том XXIII, стр. 422—23, разрядка моя. — М. С.).

Своеобразие этого перехода деревни на рельсы социалистической революции заключалось еще и в том, что процесс этот не был одновременным по всей территории России.

«Доведение до конца буржуазной революции, — говорит т. Сталин. — не есть единичный акт. На деле оно растянулось на целый период, захватывая не только кусочки 1918 года, как вы утверждаете в своем письме, но и кусочки 1919 года (Поволжье — Урал) и 1919—1920 гг. (Украина). Я имею в виду наступление Колчака и Деникина, когда перед крестьянством в целом встала опасность восстановления помещичьей власти и когда оно, именно как целое, вынуждено было сплотиться вокруг советской власти для того, чтобы обеспечить доведение до конца буржуазной революции и сохранить за собой плоды этой революции» («Вопросы ленинизма», ответ Ян-скому, стр. 248).

Говоря об этих конкретных особенностях соединения «крестьянских войн с пролетарской революцией», тов. Сталин указывает дальше, что это

«причудливое» переплетение непосредственно социалистических задач диктатуры с задачей доведения до конца буржуазной революции нужно иметь всегда перед глазами,

чтобы правильно понять

«эту сложность и многообразие процессов живой жизни».

Эта блестящая характеристика обстоятельств и условий военно-коммунистического периода, нарисованная Лениным и Стали-

ным, сама воспроизводит перед нами в живой форме конкретный образ эпохи, героический образ тогдашней действительности.

Ленинский и сталинский анализ эпохи являются ключом к ряду проблем советской литературы, критерием правильной оценки правдивости и полноты тех произведений, в которых отражены события гражданской войны.

III

Произведения советской литературы о гражданской войне распадаются на две основные группы.

В «Разгроме», «Чапаеве», «Железном потоке» события нарисованы с точки зрения задач рабочего класса, борющегося за социализм и подтягивающего к этой борьбе миллионные резервы грудного крестьянства. Здесь, следовательно, в этих произведениях на первый план выступают наиболее существенные стороны пролетарской революции.

В «Барсуках» Л. Леонова, в «Партизанских повестях» Всева Иванова, в «России, кровью умытой» Артема Веселого, в «Перегное» и «Виринее» Л. Сейфуллиной отражен главным образом тот первый этап общекрестьянской борьбы, когда попутно и мимоходом доделывались задачи буржуазно-демократической революции.

В этих произведениях деревня, идущая на захват помещичьей земли, выступает как единое целое, крестьянская стихия, нарисованная сочными «фламандскими» мазками, до краев насыщена динамикой этой общекрестьянской борьбы, радостью и оптимизмом победы, герои партизанщины показаны не схематически, а людьми во плоти и крови, представлены великолепными образами крестьянской массы. Ее стихийный, буднично-героический передан писателями с огромной любовью и неподдельным восхищением советских художников перед могучим взрывом этой революционной энергии, разбуженной пролетарской революцией.

Жажда земли, радостное творчество новой жизни, освобожденной от векового рабства, вовлекает миллионы людей в борьбу. Но в качестве главной поэтической доминанты выступает в этих книгах лафос земляной стихии, философия вечной и неразрывной слитности человека и природы, гуманистические тенденции крестьянской всечеловечности; несколько ограниченное, но предельно-конкретное, реалистическое восприятие окружающего мира, земли и природы пронизывает от первой и до последней страницы образы и язык, чувства и мысли, настроения и переживания героев этих повестей и романов, в которых иной раз голоса героев сливаются с голосами самих художников.

«В революцию, без шапки, с разинутым ртом стояла деревня на распутии зацветающих дорог, боязливо крестилась, вестей ждала, сучила комьям кулаком.

— Земля... Свобода...» («Страна родная» — А. Веселого).

С большой художественной силой и убедительностью рисует Артем Веселый, как вслед за победой большевиков в городах подымается деревня, как стихийно вырастает партизанское движение, как вспыхивает пламенем борьбы «страна родная... дым, огонь, конца-краю нет».

Блестяще нарисованные картины общекрестьянского движения против помещиков — самые удачные в творчестве Артема Веселого, талантливейшего певца партизанского эпоса, великой борьбы за землю.

Этот острейший для деревни вопрос о земле лежит и в основе колебаний Григория Мелехова — героя «Тихого Дона», являясь ключом к идейной и художественной структуре романа.

Интернациональный характер пролетарской революции героям этой крестьянской борьбы, а в ряде случаев и самим художникам не был еще понятен до конца.

В «Барсуках» Л. Леонова революция изображена уже ее действительного содержания, как общекрестьянская, российская, национальная, а не как начало всемирного боя.

«Кака-така международна гидра! — презрительно усмехнулся тот же Щербак. — Тут наше дело кровное, земля!»

В более позднем романе «Вор» снова повторяется эта мысль о том, что «революция национальна, что это взбурлила русская кровь перед небывалым своим цветением».

В «Бронепоезде» Вс. Иванова земля и Россия также замкнуты в один мелкособственнический круг.

«Корявый мужичонка в малиновой рубахе поймал Вершинина за полу пиджака и, отходя в сторону, таинственно зашептал:

— «Я тебя понимаю. Ты полагаешь я балда-балдой. Ты им вбей в голову, поверят и пойдут!.. Самое главное в человека поверить... А интернационал-то?»

Он подмигнул и еще тихо сказал:

— Я ведь знаю — там ничего нету. За таким мудреным словом никогда доброго не найдешь. Слово должно быть простое, скажем, пашня. Хорошее слово».

В замечательной поэме Эд. Багрицкого, особенно в оперном варианте «Думы про Опанаса», реалистически углубляющем основные моменты прежнего текста, также представлен этот буржуазно-демократический этап, но уже в тот более поздний момент, когда классовая борьба за октябрь начинается внутри деревни.

Именно теперь только почувствовал герой поэмы Опанас всеми чувствами собственника, что ему не по дороге с теми, кто ведет революцию дальше, кто подымает деревенскую бедноту в бой за социализм. Интересы Опанаса разошлись с конечными целями революции, и замечательными поэтическими деталями, хорошо выражающими суть дела, рисует Багрицкий этот новый поворот событий.

Гей вскочу я, полечу я,
 Да в родимые края.
 Позову волов рогатых
 Подымайтесь, доб-цобе.
 Погрущу у старой хаты
 Об отце и о себе.
 Пусть война, а мне бы только
 Садик свой, да свой домок.
 Тихо вишни поспевают,
 Зацветают травы в срок.

Об этом глубоко, подлинно реалистическом проникновении в историческое содержание эпохи говорит также один из удачнейших образов «Поднятой целины», образ Титка Бородин.

Титок тоже когда-то дрался на фронте, но, разбогатевав во время нэпа, коллективизацию встретил враждебно. Этот талантливо нарисованный образ ценен тем, что он является превосходной характеристикой той группы крестьянства, которая шла с красными только до момента завершения буржуазно-демократического этапа.

Но в том-то и заключаются достоинства ранних произведений советской литературы о гражданской войне, о революционной деревне, что они, пусть несколько односторонне и узко в сравнении с основной задачей революции, правдиво рисуют тот этап революции, когда «советы объединяли крестьянство вообще» (Ленин), когда партизанское движение еще выражало противоречивые, но временно совпавшие интересы различных слоев деревни.

IV

Не случайно революция в творчестве этой группы советских писателей изображается, как стихийный процесс, как взрыв народной, крестьянской стихии прежде всего. Это поэтическое утверждение стихийничества шло, так сказать, с разных сторон, подкреплялось самыми разнообразными художественными аргументами.

В «Барсуках» Л. Леонова даже коммунист Павел говорит о революции, как о «процессе природы», в легенде о царском сыне Калафата непосредственность и мудрая простота деревенской жизни противопоставлены сухому, черствому и бездушному городу. Этот широко распространенный мотив проходит через многие так называемые ранее «попутнические» произведения о гражданской войне. В повестях Л. Сейфуллиной, в партизанской эпопее Вс. Иванова звучат эти мотивы, несколько односторонне отражающие законное недоверие крестьян к старому городу, но рядом писателей гораздо менее осмысливалось то положение, что город, ставший советским, революционным, несет освобождение деревне.

Даже в творчестве Артема Веселого, произведениям которого совершенно чужды интеллигентски-гуманистические настроения и

тенденции, даже у него, противопоставление города — деревне, разума — стихии, приобретает иной раз характер остро символического, а иногда даже и очень мрачного обобщения.

Это противодействие двух сил в «России, кровью умытой» представлено, например, сценой встречи быка и поезда. Трагическое единоборство кончается гибелью быка.

«Из под чугунного колеса брызнула белая кость. Поезд прошел не останавливаясь, — на подеме машинист не мог остановить».

Так несокрушимая, тяжкая поступь революции обращается против деревенской стихии, против ее простого и поэтического в своей простоте жизненного уклада.

Почти во всех произведениях, характеризующихся этими мотивами, наиболее убедительны художественно и удачны образы партизан, крестьян, солдат, матросов — представителей деревни и большей частью, схематично бесцветными и тусклыми красками нарисованы представители рабочего класса, Красной армии, партии. Это часто образы без лиц, без живых человеческих черточек, рупоры определенных, иногда даже тезисно выраженных идей. По степени художественной яркости и психологической убедительности их нельзя, конечно, поставить в один ряд с образами крестьян-партизан.

Как бледен и малозначителен председатель подпольного ревкома Пеклеванов в сравнении с командиром партизанского отряда Вершининым! («Бронепоезд»).

Сколько удали, геройства, молодости и задора в героях партизанской и матросской вольницы, и как тускнеет перед ними корабельный комиссар, — «который ни крику, ни моря не любил» и у которого единственное отличие — «грива густая — драки на две хватит» («Реки огненные» Артема Веселого).

Примеры легко увеличить, их можно почерпнуть не только из произведений Артема Веселого, Вс. Иванова, Л. Леонова или Л. Сейфуллиной. Хорошо известно, что общей чертой многих произведений советской литературы на том, раннем этапе было поэтическое воспевание стихийничества, которое однако при всей своей односторонности в то же время правдиво отражало какие-то реальные черты и определенные стороны крестьянской жизни и психологии.

Нетрудно заметить, что наиболее удачны у этих писателей образы массы, больших коллективов. Но типы, характеры, резко очерченные индивидуальности почти отсутствуют.

И здесь в частности начинаются те существенные отличия, которые ставят, например, «Разгром» А. Фадеева или «Чапаев» Дм. Фурманова впереди ряда произведений на темы о гражданской войне.

Это объясняется главным образом тем, что в творчестве писателей-коммунистов правильно поставлены центральные проблемы эпохи, гораздо глубже вскрыто в образах, в действиях и поступ-

ках героев социалистическое содержание пролетарской революции, ее конечные цели и задачи. Это произведения с глубоким подлинно историческим содержанием.

В какой-то мере интернационализм пролетарской революции был разумеется отражен в произведениях и беспартийных писателей. Читатели помнят замечательную сцену в «Бронепоезде», когда по картинкам из библии мужики-партизаны учат пленного американца международной солидарности трудящихся.

Но эта сцена входит в повесть как эпизод, как момент характерный, но пока еще отодвинутый на второй план. И это не только в повестях Вс. Иванова.

Объяснение этих особенностей, т. е. известной художественной ограниченности и неполноты — заключается, как мы уже говорили, в том, что в произведениях этой группы писателей гражданская война взята в период общекрестьянской борьбы, поэтически разработан только буржуазно-демократический этап движения. И представлен он к тому же замкнуто, в некотором отрыве от основных проблем пролетарской революции, от конечных целей социализма, осуществляемых партией и рабочим классом.

У писателей-«попутчиков» сложная и богатая тема гражданской войны таким образом была поставлена в узкие и ограниченные рамки и это в значительной степени обуславливалось идейно-политической незрелостью художников, недостаточно высоким уровнем их мировоззрения.

У писателей же коммунистов этот буржуазно-демократический этап также отражен, но эта тема подчинена главной задаче — изображению борьбы за социализм, теме социалистического перевоспитания миллионов трудящихся и крестьянства в том числе.

В этом смысле интересно и необходимо сопоставить образы героев «Разгрома» или «Чапаева» с образами «Бронепоезда», талантливой повести, которая концентрирует в себе наиболее типичные черты многих так называемых «попутнических» произведений.

Каковы цели и интересы партизан, борющихся в «Бронепоезде» и «Партизанах» с белыми и японцами? Командир отряда Вершинин и Селезнев, да и каждый из партизан отвечает на это весьма кратко и вразумительно: земля.

Вот Вершинин говорит Окороку:

— Кому море, а кому земля. Земля-то, парень, тверже. Я сам рыбацкого роду...
— Ну, пророк...
— Рыбалку брошу теперь.
— Пошто?
— Зря я мучился, чтоб в море итти опять. Пахотой займусь. Город-то обманыват, пузырь мыльный, в жарман не сунешь».

Неприятнь к городу, стремление скорее осесть на землю, на свою землю, — руководит не одним только Вершининим.

Вершинину и его партизанам кажется, что стоит отнять землю, заняться пахотой и все кончится. По мысли Вершинина именно этим и исчерпываются смысл и задачи революции. Вершинин, собственно, потому и стоит во главе отряда, что он по своему пониманию революции нисколько не выше своих партизан. Выбрали его как наиболее зажиточного и удачливого хозяина, интересы которого совпадают с интересами его отряда. Он только временный руководитель до той поры, пока удастся отбить помещичью землю.

«Вершинин — туча, куда ветер — там и он с дождем. Куда мужики знают, и Вершинин».

Психология мелкого собственника выражена тут предельно четко. Эта художественная деталь превосходно рисует ту конечную точку борьбы, до которой простирается революционная активность Вершинина. Меньше всего он способен быть воспитателем своих партизан, агитатором за дело и идеи социализма.

Герой «Разгрома», старый большевик Левинсон, тоже «доделывает» буржуазно-демократическую революцию, но мимоходом и сознательно подчиняя эту задачу более высокой цели. В отряде Левинсона и под его руководством также борются сибирские крестьяне за свою землю, но этим отнюдь не исчерпывается обязанность большевика. Левинсон знает, что после попутного довершения и удовлетворения общекрестьянских интересов зажиточные слои деревни, временно примкнувшие к борьбе против помещиков, отойдут, что против своих богатеев подымется деревенская беднота, и в союзе с рабочими и большевиками низшие трудовые слои деревни пойдут дальше, в бой за социалистическое переустройство мира. В этом духе и направлении ведет и воспитывает своих партизан коммунист Левинсон.

Читатель помнит, разумеется, финал этой талантливой повести.

Отряд Левинсона разгромлен, погибли его лучшие друзья и соратники, но он знает, что поражение отряда только случайный эпизод, что революция, ведущая за собой миллионные резервы, — непобедима.

«Левинсон обвел молчаливым, влажным еще взглядом — это просторное небо и землю, сулившую хлеб и отдых, этих далеких людей на току, которых он должен будет сделать вскоре такими же своими близкими людьми, какими были те восемнадцать, что молча ехали следом, и перестая плакать: нужно было жить и исполнять свои обязанности».

В этом ясном сознании необходимости жить и бороться дальше до конца, до полного осуществления своих целей — художественная правдивость и ценность этого образа, выражающего на любом этапе революционной борьбы типические черты большевистского характера и поведения.

В том-то и состоит заслуга А. Фадеева, Дм. Фурманова, А. Се-
рафимовича и других писателей-коммунистов перед советской

литературой, что в их произведениях на тему о гражданской войне была поставлена впервые проблема, главная и общая для всей советской литературы,— проблема типа, характера, проблема нового человека не стихийно, а сознательно участвующего в революционной борьбе за социализм. Творчество передовых советских писателей, писателей-коммунистов своим художественным острим было направлено не на утверждение, а на разоблачение стихии и стихийничества, это подсказывалось им не только их коммунистическим мировоззрением, но и самой практикой революции.

В статье об Артеме Веселом («Новый мир» книга XI 1934 г.) мы указывали, что к слабым сторонам творчества этого талантливого писателя надо отнести не только преувеличение роли стихийности в массовом революционном движении, но и то, что одна из существенных сторон эпохи гражданской войны — исторический смысл борьбы большевистской сознательности против мелкобуржуазного стихийничества, была недостаточно продумана Артемом Веселым.

«Пролетарская революция, борьба за социализм, социалистическое строительство — процесс сознательного творчества пролетариата, руководимого партией. И потому, что это сознательное творчество, оно враждебно стихии: оно перед каждым индивидуумом, перед каждым трудящимся в отдельности, и перед всей трудовой массой в целом, ставит задачу: найти, осмыслить и определить свое место в революционной борьбе, в рядах рабочего класса, строящего социализм».

В этом росте личности, социалистической индивидуальности заключается одна из характернейших особенностей пролетарской революции. Поэтому роль личности и ее формирование в историческом процессе, в качестве поэтической темы приобретает для советского писателя исключительное важное значение. Это одна из главных тем подлинно социалистической литературы. Идеиная и художественная значительность образа Левинсона в том, что Левинсон воспитывает в своих партизанах дух сознательного мужества и героизма; он на практике борьбы учит их связывать интересы временного порядка (далее которых не идет Вершинин у Вс. Иванова, или Чернояров у Артема Веселого) с исторически-длительными задачами рабочего класса, борющегося за бесклассовое общество.

Не случайно, второй вариант «Думы про Опанаса» и образ Титка Бородина из «Поднятой целины» создавались Эд. Багрицким и Мих. Шолоховым теперь, в эпоху коллективизации, когда в свете всего пути, пройденного крестьянством, оба художника — и в этом доказательство их творческого роста — глубже поняли и вернее оценили само стихийничество, как характерную черту крестьянской психологии, преодолеваемую в борьбе за социализм. Об этом нельзя забывать, когда мы сравниваем методы изображения деревни сейчас и на ранних этапах советского литературного развития.

Через всю пролетарскую литературу красной нитью проходит эта тема борьбы сознательности и стихийности и не только на материале гражданской войны. Писателям-коммунистам первым принадлежит честь ее художественной разработки и борьбы за нее. Романы о колхозах — Мих. Шолохова, Ф. Панферова, В. Ставского, Ив. Шухова и других писателей пронизаны именно этой исторической идеей.

Читая «Разгром» сегодня, через много лет после описываемых в нем событий, не трудно представить себе деятельность и поведение Левинсона и на колхозном фронте. Он здесь как и на военном фронте будет драться за перевоспитание мелких собственников, чтобы отсталого и забитого крестьянина вывести из собственнического плена к новой, разумной жизни.

Смысловая емкость главного образа «Разгрома», большая насыщенность его подлинной правдой современности раскрывает в частности художественную «тайну» произведений и образов, сохраняющих исторически-длительное значение. Чувство исторической перспективы, глубокий историзм является их характернейшей особенностью. Идеиная ограниченность других произведений становится особенно ощутимой в сравнении с «Разгромом», если подойти к ним именно с этой исторической точки зрения. А ведь только она и помогает художнику создать типические образы, типические характеры.

Больше того, даже фактический материал произведений Дм. Фурманова и Фадеева некоторым образом отличается от материала, положенного в основу «Партизан» и «Бронепоезда» Вс. Иванова или «России» Артема Веселого.

В основе «Партизанских повестей» лежат факты буржуазно-демократического этапа. Из этого жизненного материала идея социализма не вытекает.

В «Чапаеве» и «Разгrome» изображены такие явления и события, по отношению к которым общекрестьянское движение занимает в полном соответствии с действительностью второстепенное, подчиненное место. Фурманов и Фадеев показывают, что путь деревни к социализму возможен только в условиях пролетарской диктатуры, и что это процесс не стихийного, а сознательного и организованного творчества. А Фадеев и Вс. Иванов, Дм. Фурманов и Артем Веселый не только акцентируют различные стороны изображаемых фактов и явлений, но даже пишут о вещах в известной мере различных. И там, где первые находят выход в будущее, там вторые, большей частью, не выходят из пределов изображения мелкобуржуазного уклада жизни и быта.

В романе-хронике Дм. Фурманова от старых крестьянских взглядов и представлений Чапаев, — под большевистским воздействием Клычковых и Левинсонов, — приходит к новым понятиям, несовместимым с его прежним образом жизни.

Но к чему может притти Вершинин, для которого задачи революции исчерпываются укреплением мелкой частной собственности. Могут ли на этой почве вырасти новые люди и новые отношения между ними?

В «Барсуках» и «Партизанских повестях» революционные события развернуты — как мы видели — не дальше фактов борьбы крестьянства против буржуазно-помещичьего режима, против остатков крепостничества. Последующий этап революции, когда в самой деревне начинается ожесточенная классовая борьба, и деревенская беднота поднимается к социалистическому творчеству, не показан в произведениях Л. Леонова и Вс. Иванова. В них нет поэтому исторического предвидения неизбежного углубления революции, глубокого понимания процесса соединения крестьянских войн с пролетарской революцией, неизбежности перехода деревни на пути социалистической борьбы, в условиях победы пролетарской диктатуры.

Не случайно то, что героическая деятельность комбедов, — факт организации которых говорил о начале борьбы бедноты против кулачества, — почти не отражен в советской литературе. Беглые зарисовки представителей комитетов бедноты мы находим лишь у Артема Веселого, А. Неверова и Л. Сейфуллиной (солдаты-комбедчики в «Перегнутое» и «Вирине»). Но комбедчики у А. Веселого способны скорее рассмешить читателя своими наивными или нелепыми поступками (вполне возможными, но мало типичными), чем увлечь своей решительностью, сознательностью и мужеством. У А. Неверова в романе «Гуси-лебеди» и «Андроне Непутевом» изображение острейшего периода классовой борьбы сопровождается неизменным рефреном жалости и сострадания: — «не жалеть нельзя и жалеть нельзя» — или характерным противопоставлением тишины и спокойствия в природе людской озлобленности и суете.

«Разметавшись в солнечной радости, высоко над степью, над живыми и убитыми, плывут облака, одинаково принимая жизнь и смерть, страданье и горе людское...» («Гуси-лебеди»).

В «Тихом Доне», замечательном эпическом романе Мих. Шолохова, в котором от тома к тому видно все более и более глубокое проникновение писателя в социальный смысл классовой борьбы, — вторая книга еще кончается типичной не только для Мих. Шолохова гуманистической сентенцией, противопоставлением людской преходящей смуты вечной и ласковой природе.

В головах могилы Валета, погибшего за революцию, кто-то поставил часовню:

Под треугольным навесом ее в темноте теплился скорбный лик божьей матери, внизу на карнизе мохнатылась черная вязь славянского письма:

В годину смуты и разврата
Не осудите, братья, брата.

Старик уехал, а в степи осталась часовня горюнуть глаза прохожих и проезжих извечно унылым видом, будить в сердцах невнятную тоску.

И еще — в мае бились возле часовни стрепета, выбили в голубом полынке точек, примяли везде зеленый разлив зреющего пырея: бились за самку, за право на жизнь, на любовь, на размножение».

Эти гуманистические мотивы блекнут и ступеневаются только лишь в третьем томе «Тихого Дона», там, где Мих. Шолохов рисует, как неизбежно обострялась классовая борьба на Дону, как подымала пролетарская революция низшие слои казачества против богатой дворянско-кулацкой казачьей верхушки. И все эти сцены и эпизоды, недостаточно развернутые в произведениях Мих. Шолохова, Артема Веселого, Л. Сейфуллиной и А. Неверова, лишь подтверждают то обстоятельство, что существенные стороны гражданской войны нашли свое наиболее реалистическое выражение раньше всего в произведениях Дм. Фурманова и А. Фадеева, писателей-коммунистов.

В образе Чапаева Дм. Фурманов рисует в неразрывной связи те действительно типические обстоятельства революционной войны, которые формируют типические характеры. И в этом именно заключаются социалистическая реалистичность и историзм «Чапаева», произведения, имеющего принципиальное значение и для сегоднешнего этапа советской литературы. После «Чапаева» писать о гражданской войне в узких и ограниченных пределах изображения только общекрестьянского этапа значит снова вернуться к повторению образов «Барсуков» или «Партизанских повестей».

Разумеется, как художник Дм. Фурманов слабеет Артема Веселого или Вс. Иванова. В «Чапаеве» много, слишком много очевидных недостатков языка, композиции, изобразительных средств, подмены образного показа публицистикой и т. д. и т. п. Но чуткий и мыслящий писатель, он сумел в теме гражданской войны обнажить такие стороны в практике большевиков, раскрыть смысл таких явлений и действий, которые составляют самую суть, природу социалистической революции и характера ее творцов.

В стихотворении С. Кирсанова о Дм. Фурманове нет преувеличения, когда сравнивая тему Чапаева и тему «Конармии» Бабеля, поэт находит в них некоторые различия:

«Но я читал и ваш «Мятеж».
Читал и ликовал...
Но — посмотрите — темы те ж,
А пропасть какова!
У вас простейшие слова,
(А за сердце берет!)
Глядишь — метафора слаба,
Неважный оборот...
А он — то тушью проведет
По глянцу полосе,
То легкой кистью наведет
Берлинскую лазурь!»

В рассказах о конной армии мастерство И. Бабеля в период их написания (этого нельзя, конечно, забывать) еще не было оплодотворено глубоким пониманием событий, художественная правдивость и достоинства «Конармии» не только в деталях, передаче определенных настроений и субъективного отношения автора к революции и поисков своего места в ней — и все это имеет существенное значение в рассказах Бабеля о Красной армии и гражданской войне.

А. Фадеев, Дм. Фурманов, А. Серафимович, Ю. Либединский преследовали другие цели. Перед ними стояли другие проблемы. Дм. Фурманов рисует не только картины героической борьбы крестьянских масс, равно расценивая моменты стихийного и сознательного отношения к событиям.

В отличие от образа Ивана Черноярова (из «России» А. Веселого) Дм. Фурманов вовсе не поэтизирует в Чапаеве тех сторон его характера, которые — так сказать — самой историей были обречены на отмирание, на «переплавку» их огнем революции. Шаг за шагом, черту за чертой снимает Дм. Фурманов те напластования вымысла, которые искажали облик Чапаева, и выдвигает в качестве поэтической темы нечто новое. При помощи тонких психологических деталей Дм. Фурманов показывает, как пробуждается в Чапаеве чувство собственного достоинства, сознание своих интересов и ценности своей жизни, которую революция впервые наполнила разумным смыслом и содержанием.

В этом то новое, что внес Дм. Фурманов в образы партизан, в литературу о гражданской войне своим «Чапаевым», и А. Фадеев «Разгромом». Это художественное раскрытие воистину эпического процесса формирования социалистической личности является по сути дела и до сих пор одной из основных творческих задач нашей литературы, решаемой на самом различном жизненном материале.

Ни разу не дрогнувший в бою, смелый и мужественный Чапаев говорит своему комиссару:

«...Вот вы заметьте, товарищ Клычков, что чем я выше поднимаюсь, тем жизнь мне дороже... Не буду с вами лукавить, прямо скажу, — мнение о себе развивается такое, что вот, дескать, не клоп ты, каналья, а человек настоящий, и хочется жить по-настоящему-то, как следует»...

В этих простых и глубоких словах раскрыта великая жизненная правда пролетарской революции. Практика и мировоззрение пролетариата помогли Дм. Фурманову открыть ее и создать типический образ партизана, по глубине и значительности один из немногих в советской литературе.

Тем самым образы Левинсона и Чапаева благодаря своей правдивости и идейной насыщенности помогают нам каждый по-своему понять проблему литературного типа в советской литературе. Литературным типом является художественный образ тако-

го героя, который с наибольшей полнотой выражает передовые идеи своего времени и практику своего класса.

Можно ли в этом смысле назвать типическими образы Вершинина или Селезнева у Вс. Иванова, Черноярова у Артема Веселого, Софрона или Павла Сулова у Л. Сейфуллиной, или образы романтически расцвеченных конармейцев в блестящих по мастерству рассказах И. Бабеля?

Они типичны как люди эпохи социализма только там, где их психология, их действия и поступки показаны в динамике, в движении от «низшего» состояния к «высшему», где утверждается в соответствии с жизненными фактами новое и показано отмирание старого, где на первый план выступает сила революционной практики, формирующая своих «героев», людей нового типа.

В образе Ивана Черноярова, например, нет этого роста и движения, и в «России» Артема Веселого это наименее реалистичский образ в сравнении с другими героями этой талантливой книги (например, В. Галаганом, Максимом Кужелем).

Отсюда не следует вовсе, что произведения Артема Веселого, Вс. Иванова и Л. Сейфуллиной вообще или вовсе не реалистичны. Во все нет. Суть только в том, что они недостаточно реалистичны, в них элементы натурализма сильнее реалистических, потому что глубинная сущность революции, ее разум, ее цели были недостаточно освоены художниками, которые в процессе своего художественного творчества постепенно «добирались» до сути вещей. Мы не случайно поэтому поставили в качестве центральной темы — проблему стихийности и социалистической сознательности и исходили из нее в оценке и классификации произведений.

То, что часть советских писателей, изображая эпоху гражданской войны, показала, главным образом, первый этап ее, когда большую роль в деревне играло крестьянское движение, партизанщина, — вовсе не является недостатком этих произведений. Ценность их в том, что они отражают реальный жизненный факт большого социального значения. Но они отразили бы эти факты правдивее и реалистичнее, если бы авторы этих произведений подошли бы к своей теме с более глубокой точки зрения, если бы события, изображаемые ими, были бы поставлены в связь в основными задачами социалистической революции и пролетариата по отношению к крестьянству. Отсутствие исторической перспективы — существенный недостаток этих произведений. То, что это прямо связано с художественными проблемами, видно из того, что отсутствие у некоторых художников этой руководящей идеи сказалось даже на композиции романов и на других элементах формы и содержания.

Поэтизируя партизанщину и стихийничество, Веселый, который в последнюю редакцию романа внес некоторые изменения (резче подчеркнуто обострение классовой борьбы в деревне), все

же еще не смог сделать «Россию, кровью умытую» цельным и законченным произведением, романом в полном смысле слова. Стихия партизанщины показана в большом количестве эпизодов, но каждый последующий часто почти ничего не добавляет к предыдущему. Главы романа называются «крыльями», но они не прикреплены к четкому идейному «остову». Композиция романа поэтому «условна» и неустойчива. Главы можно переставлять с места на место, заменять одну другой, но мало что изменится по существу. «Россия» Артема Веселого является поэтом не столько романом, сколько хроникой батальных событий, записанных талантливым бытописателем.

Связь идеи и композиции произведения станет еще очевиднее, если с этой точки зрения сравнить, например, «Разгром» А. Фадеева с «Бронепоездом» или «Россией, кровью умытой». С этим связана степень реалистичности данных произведений. Большая у одних, меньшая у других она является выражением не только одаренности художников, но и их умения постигнуть, понять, осмыслить те основные и решающие события эпохи, от которых отправляется художник в творческом процессе, в стремлении реализовать свой творческий замысел.

В этих заметках на тему об изображении гражданской войны в советской литературе мы ставили своей целью рассказать не только о том, что сделано советской литературой, но и о том, что необходимо сделать. Как мы видим, эта тема далеко еще полностью не освоена советской литературой. Известно и то, что тема эта (как и многие другие в нашей литературе) имеет огромное интернациональное значение. Тем более необходимо повысить требования к писателям, пишущим о гражданской войне.

Образы партизан, нарисованные в советской литературе, известны сотням тысяч людей, но едва ли будет преувеличением, если мы скажем, что Чапаеву среди этих образов принадлежит первое место. Замечательный фильм братьев Васильевых сделает образ Чапаева известным еще большей массе читателей и зрителей. Но то, что работники кино обратились к роману-хронике Дм. Фурманова, говорит о том, что в этом литературном произведении они нашли материал, который помог создать замечательное произведение советского кино-искусства.

Как художественное произведение «Чапаев» далеко не самое яркое в ряду других произведений на эту тему. Но Дм. Фурманову удалось сконцентрировать в образе своего героя такие характерные черты, образ, созданный Дм. Фурмановым, стал таким емким и содержательным, что по отношению к нему все остальные выражают только его частные стороны и особенности. Это является лишним доказательством той истины, что создание больших, синтетических образов, сохраняющих длительное историческое значение, возможно тогда, когда художественное дарование руководимо большой и глубокой идеей, правильным пониманием смысла и духа изображаемой эпохи. Именно в этом

суть социалистического реализма, чуждого стихийничеству и в деле художественного творчества. Наша литература насчитывает ряд удачных образов партизан, но мы гораздо беднее художественно полноценными и глубокими образами коммунистов.

Создать этот образ, и не только на материале гражданской войны — дело чести нашей молодой, талантливой литературы, которая должна выполнить и выполнит эту историческую задачу.